

Ишин А.В.

*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского
федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)*

A.V. Ishin

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of History of Russia
at V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОГО МИРА

CIVILIZATION MEASUREMENT OF THE RUSSIAN WORLD

Резюме: Статья содержит новый взгляд на проблему исторических истоков и формирования цивилизационного феномена Русского мира, раскрывает значение суммы различных факторов в его становлении, вносит свою лепту в развитие историко-политической дискуссии по одной из наиболее актуальных проблем отечественной гуманитарной науки.

Ключевые слова: Русский мир, Древнерусское государство, культура, цивилизация, соборность.

Abstract: The article contains a new look to the problem of historical sources and forming of the civilization phenomenon of the Russian world, exposes the value of sum of different factors in his becoming, brings in the small contribution in development of istoriko-political discussion on one of most issues of the day of domestic humanitarian science.

Key words: Russian world, Old Russian state, culture, civilization, collegiality.

Не вызывает сомнений, что тема Русского мира является в настоящее время одной из наиболее актуальных в современной науке. Эта категория находится в поле зрения историков, философов, политологов, социологов, деятелей Православной церкви и представителей политических элит государств постсоветского пространства.

По нашему мнению, актуальность всестороннего осмысления концепта «Русский мир» обусловлена не только естественноисторическим интересом или насущными задачами отечественной геополитики. Крайне важное измерение этого концепта находится в поле дальнейшего формирования государственнической идео-

логии России, становления стройной и логичной системы идеалов и ценностей граждан нашей страны.

ОБ ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИСТОКАХ РУССКОГО МИРА

Отметим, что категория «Русский мир» имеет давние корни. Так, памятник древнерусской литературы второй половины XI столетия – «Слово на обновление Десятинной церкви», прославляя подвиг известного крымского христианского святого Климента Римского (рубеж I – II вв.), уже содержит это словосочетание: «[...] который умножил сокровище своего Господина не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне, еще и в русском мире» [1]. Примечательно, что речь в этом «Слове» идет, по существу, еще о догосударственном периоде в истории восточного славянства.

Здесь важно упомянуть о давней научной дискуссии, периодически переходящей в острую полемику, вокруг происхождения самого этнонима «русь», «русский». Одни склонны видеть в нем автохтонно славянские корни, другие – скандинавские, третьи – южно-иранские или переднеазиатские. Но для нас важно и несомненно другое, а именно, что Русь как цивилизационное пространство, на рубеже VIII-IX столетий приобретающее базовые признаки наличия государственности, формируется на стыке миров – славянского, балтского, скандинавского, финно-угорского, тюрко-хазарского, что обуславливает поликультурные подходы к осмыслению исторических истоков Русского мира.

Действительно, уже в летописном предании о призвании варяжских князей – Рюрика и его братьев содержится недвусмысленная информация о наличии некоей военно-торговой касты, общности, именуемой «варягами», которая на первоначальном этапе формирования Древнерусского государства сыграла цементирующую роль, объединив «чудь, словен, кривичей» [2], а затем и другие восточнославянские племенные союзы в едином государственном формате.

При этом мы абсолютно не склонны напрямую отождествлять понятия «варяг» и «скандинав», как это пытаются делать сто-

ронники норманнской теории, оформившейся во второй четверти XVIII столетия и видевшей исключительно норманнов (скандинавов) основателями Древнерусского государства. Отметим, что норманнская теория нередко использовалась в спекулятивно-политических целях, как инструмент обоснования государственной несостоятельности славянства и духовно-идеологической экспансии на земли исторической Руси.

В этой связи глубоко примечательно, что «норманнская» трактовка этнонима «русь» не разделяется самим автором «Повести временных лет», к которой апеллируют сторонники указанной теории. «... Ибо так звались те варяги – русь, как другие зовутся шведы, **иные же норманны** (выделено нами – А.И.), англы, другие готы, эти же – так» [3].

В этом отношении важнейшее значение имеет также то обстоятельство, что новые варяжские князья не приносят с собой новых, скандинавских, религиозных культов, что было бы вполне естественным и закономерным. Напротив, при заключении русско-византийских межгосударственных договоров верховные скандинавские языческие божества – Один и Тор не упоминаются вообще, а преемники Рюрика на княжеском троне – Олег и Игорь апеллируют к славянским Перуну и Волосу: «Царь же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязавшись платить дань, и приносили взаимную присягу: сами целовали крест, а Олега с мужами его заставляли присягать по закону русскому: клялись оружием своим и Перуном, их богом, и Волосом, богом богатства, и утвердили мир» [4]. При этом отметим, что культ Перуна, вероятнее всего, появился у славян благодаря контактам с балтскими племенами (по-литовски он именуется Перкунас) [5].

Представители современной российской историографии склонны видеть в летописных варягах «либо балтов, либо славян с южного побережья Балтики» [6]. При этом учеными справедливо отмечается, что «славянские племена овладели в I тысячелетии н.э. огромными пространствами Восточной Европы между Карпатами и южным побережьем Балтийского моря. Среди них названия русы, русины были весьма распространены. До настоящего времени на Балканах, в Германии живут их потомки под

своим собственным названием «русины», т.е. русые люди, в отличие от блондинов – германцев и скандинавов и темноволосых обитателей юга Европы. Часть этих «русинов» передвинулась из Прикарпатья и с берегов Дуная в Поднепровье, о чем сообщает и летопись. Здесь они сошлись с обитателями этих краев, также славянского происхождения. Другие русы, русины осуществляли контакты с восточными славянами в северо-восточном районе Европы. Летопись точно указывает «адрес» этих руссов-варягов – южные берега Балтики» [7].

С нашей точки зрения, понятие «варяг», вероятнее всего, вообще не является этнонимом в собственном смысле. Скорее, это профессионализм, обозначающий принадлежность к некоей военно-торговой касте (аналог будущего казачества). В этом смысле глубоко примечательно отмечаемое М. Фасмером этимологическое сходство слов «варяг» и «варега», «первонач. “варяжская рукавица”» [8]. Полагаем, что изначально понятие «варега» относилось именно к боевым рукавицам, которые отличали военную элиту – наемных воинов, дружинников, от простых земледельцев-ополченцев. И, соответственно, в эту профессиональную военную касту могли входить люди разной племенной и культурной принадлежности – и славяне-поморы, и скандинавы, и финно-угры [9].

Это косвенно подтверждает также «Повесть временных лет», повествуя о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира, которые были «не племени» Рюрика, «но бояре» (т.е. старшие дружинники) [10].

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что уже на ранних этапах развития древнерусской государственности, славяно-русам удалось не просто вовлечь в орбиту своего влияния, но и непосредственно в процессы государственного строительства значительную часть тюркских народов, кочевавших в южнорусских степях, среди которых были и потомки хазар, и торки (гузы), и берендеи, и половцы (куманы). По замечанию Л.Н. Гумилева, половцы, кочевавшие между Доном и Карпатами, «вошли в состав Руси на началах автономии и, будучи некрещеными, стали называться «свои поганые» (от латинского *paganus* – «язычник»). В

противоположность им половцы, жившие за Доном – на Волге и Кубани, – именовались “дикими”» [11].

Таким образом, генетические истоки Русского мира соотносятся с ранней историей славянства, с конституированием феномена восточного славянства как цементообразующего фактора в образовании широкой полиэтничной конфедерации племенных союзов, на основе которой формируется само Древнерусское государство.

РУССКИЙ МИР И ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

Вместе с тем, сугубо политическая основа является далеко не единственной, и, очевидно, не определяющей в уяснении Русского мира как уникального цивилизационного феномена.

И здесь трудно оспорить суждение академика В.А. Тишкова, что «огромную роль в консолидации русского мира на всех его этапах играла Русская православная церковь» [12]. Действительно, в упомянутом выше «Слове на обновление Десятиной церкви» – первого каменного храма Древней Руси, возведенного князем Владимиром, категория «Русский мир» употребляется в неразрывной взаимосвязи с православно-христианской моделью духовности.

Важно подчеркнуть, что магистральный выбор веры, осуществленный великим князем в 988 году, имел не только экзистенциально-ценностную, но глубокую историческую основу. Из разных источников мы черпаем сведения о проникновении христианского вероучения на раннеславянскую почву уже с I-го, апостольского, века. В числе фундаторов этого процесса летописные и агиографические источники упоминают апостола Андрея Первозванного, Климента Римского, Херсонесских епископов Василия, Ефрема, Капитона, Евгения, Еферия, Елпидия и Агафодора, просветителей Кирилла и Мефодия, а также некоторых древнерусских князей: Бравлина, Аскольда, Ольгу.

При этом первое из известных нам крещений древнерусских князей, как и крещение князя Владимира, совершилось в Крыму, который славяно-русы начали осваивать еще в раннем средневековье.

Исторический источник крымского происхождения – Жизнеописание святителя Стефана Сурожского повествует, что вскоре после ухода в вечность этого святого, в Сурож (современный город Судак), после десятидневной осады, ворвалось большое русское войско из Новгорода, возглавляемое князем Бравлином, уже совершившее успешный поход вдоль юго-восточного побережья Крымского полуострова – от Херсонеса до Керчи. После того, как Бравлин ограбил церковь Святой Софии, где находился гроб угодника Божия, он был внезапно поражен тяжким недугом: «... обратился лице его назад, и лежа пены точаше». Святитель Стефан предстал перед князем в видении и повелел ему креститься. Потрясенный чудом, Бравлин принял крещение и был исцелен. В Сказании отмечается, что, наряду с ним, крестились и все его бояре [13].

Примечательно, что историк Русской Церкви, Харьковский Архиепископ Филарет подчеркивал, что «самая подробность рассказа о событии с новгородским русским князем ручается за его верность» [14]. В пользу достоверности повествования свидетельствует также ряд исторически точных фактов, упомянутых в «Житии». К примеру, правильно названы церковь Святой Софии, где происходило описанное, имя преемника Стефана – Филарета [15], который действительно занимал в Суроже Архиепископскую кафедру в конце VIII – начале IX в. [16] Известный религиозный деятель, профессор А.В. Карташев совершенно справедливо отметил, что «Житие святого Стефана Сурожского» «хранит в своем составе весьма древнюю основу, следы которой видны в целом ряде точных исторических деталей, выгодно отличающих по местам русскую редакцию даже от единственного известного греческого текста жития» [17].

Нападение новгородской рати на Сурож можно датировать концом VIII или первой четвертью IX века. Не случайно, в «Житии» отмечается, что после кончины святителя Стефана «мало лет минуо», а умер он либо в середине, либо в конце VIII столетия (в актах VII Вселенского Собора 787 г. упоминается Стефан Сугдейский), при этом крестителем князя Бравлина выступил преемник Стефана Филарет. Согласно мнению Г.В. Вернадского,

поход мог состояться уже в 790 г., т.е. за 198 лет до крещения Владимира Святославича и за 72 года до упомянутого выше летописного призвания варяжских князей [18].

Кроме того, немаловажно, что в некоторых списках «Жития» имя новгородского князя передается как «Бранлив». Вполне вероятно, что оно образовано от слова «брань» (сражение), которое является старославянским и, в свою очередь, восходит к общеславянскому «bornь» [19].

В составе новгородской рати, по нашему мнению, наряду с ильменскими словенами, могли быть кривичи и чудь. Согласно историческим данным, указанные племена образовывали на северной окраине славянского мира федерацию, которая впоследствии стала органичной частью Древнерусского государства [20].

Примечательно, что участники этой разноплеменной федерации упоминаются и в «Повести временных лет» в составе войска Олега, совершившего победный поход на византийскую столицу [21].

О самом же Бравлине, к сожалению, не сохранилось более никаких сведений, отсутствуют источники, прямо отражающие значение его крещения для последующей христианизации восточных славян и соседних с ними племен. Однако, существуют косвенные доказательства, объективно свидетельствующие, что крещение в Суруже оставило свой след в истории Руси.

Так, в летописи первого новгородского Епископа Иоакима, известного также как Аким Корсунянин [22], прибывшего на Русь в 991 г., отмечается, что попытка Добрыни, воеводы князя Владимира Святославича, крестить новгородских язычников встретила ожесточенное сопротивление последних. При этом «некия шедше церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху» [23]. Таким образом, в Новгороде уже до общерусского крещения существовала христианская община. Вполне вероятно, что ее появление, как и постройка Преображенской церкви, напрямую связаны с сурожскими событиями, о которых шла речь выше [24].

Исключительное значение в распространении христианского вероучения на Руси имела деятельность княгини Ольги, крестив-

шейся, согласно летописным данным, в Константинополе в 955 году. Глубоко закономерно, что именно ее Нестор Летописец именует «первой из русских, вошедшей в Царство Небесное» [25]. Она приложила огромные усилия для христианизации Руси, воздвигала кресты и храмы, при этом ее миссионерству (как впоследствии и ее внуку – князю Владимиру) было чуждо государственное насилие. Лучшим доказательством последнего тезиса является то обстоятельство, что сын княгини – Святослав Игоревич, выдающийся полководец Древней Руси, несмотря на угрозы матери, так и остался язычником. Хотя, исполняя регентские обязанности при малолетнем князе и имея неоспоримый авторитет мудрейшей правительницы, она вполне могла принудить Святослава к принятию христианства. Могла – но не захотела нарушать краеугольный принцип свободного выбора веры. Вместе с тем, именно благодаря Ольге, впервые в отечественной истории, четко обозначился приоритет территориального принципа организации власти над родоплеменным. Устанавливаются местные административные центры – погосты, а вместе с ними – четкие размеры сбора дани.

Завершение процесса политического объединения Древней Руси в целом связано с внуком княгини Ольги – князем Владимиром Святославичем, утвердившимся на киевском столе вследствие междоусобной войны в 980 году. В истории его правления четко выделяется два периода – языческий (до 988 года) и христианский.

Языческий период характеризуется установлением единого пантеона – «шестибожия» во главе с Перуном. «И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и осквернили землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот», – сокрушался летописец [26].

Духовный поворот в душе князя Владимира обозначается после беседы с греческим философом (богословом), которая пришла правителю Руси по душе, в отличие от проповедей представителей иных конфессий, в том числе христиан западного обряда – «немцев из Рима». Примечательно, что последних Владимир

отправляет со словами: «Идите обратно, ибо отцы наши не приняли этого» [27].

Ощущение необходимости перемен и нарастающего духовного кризиса в древнерусском обществе усиливается у киевского князя после возвращения русских послов из Византии, пораженных трансцендентной красотой православного богослужения – «не знали – на небе или на земле мы <...> Не можем забыть красоты той, ибо каждый, кто вкусит сладкого, не возьмет потом горького. Так и мы не можем уже оставаться прежними <...> И спросил Владимир: “Где примем крещение?” Они же сказали: “Где тебе любо”» [28].

Таким образом, становится очевидным, что решение Владимира принять православную доктрину выходило далеко за рамки собственно политического проекта. Это решение носило не прагматический, а стратегический характер и было обусловлено, по меньшей мере, двумя обстоятельствами: потребностью великого князя в личном духовном преображении и обретении устойчивых смыслов бытия, и, во-вторых, стремлением поставить Древнюю Русь на высокую цивилизационную ступень, сделать вверенное ему общество более гуманным и справедливым.

Несомненно, что исторический поход 988 года в крымский Херсонес имел геополитическую подоплеку, но геополитика выступала здесь, скорее, сопутствующим, а не определяющим фактором, обусловившим кардинальную смену духовной магистрали древнерусского народа.

Собственно, изначальная цель похода в Херсонес заключалась в необходимости принудить византийских императоров-соправителей Василия и Константина к выполнению своей части межгосударственного соглашения, а именно: в обмен на военную помощь со стороны Владимира против восстания Варды Фоки императоры должны были связать судьбы Византийской империи и Древней Руси династическими узами: выдать замуж за князя Владимира свою сестру Анну.

Маршрут, выбранный Владимиром, был далеко не случаен: в Херсонесе к тому времени, очевидно, находилась влиятельная древнерусская торгово-ремесленная фактория. Ее интересы, по-

видимому, и представлял горожанин Анастас, отправивший в древнерусский стан стрелу с извещением о водопроводе, который необходимо перекопать, чтобы принудить город к сдаче [29]. Примечательно, что еще славянские просветители Кирилл и Мефодий в 861 году обнаружили здесь Евангелие и Псалтирь, «русскими письменами написанные» [30], что послужило мощным толчком к созданию славянской азбуки.

Отметим также, что летописные известия об этой военно-политической (хотя и осуществленной в целом бескровно) операции дополняются крайне интересными археологическими находками, свидетельствующими о пребывании в это время в Крыму древнерусских дружинников [31].

Достигнув официальной цели похода, Владимир реализует уже давно созревшее решение о принятии крещения и возвращает Херсонес византийцам «как вено (т.е. выкуп) за царицу» [32]. При этом «Владимир взял царицу и Анастаса, и попов корсунских с мощами святого Климента и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе». Именно корсунские (т.е. херсонесские) священники служили в воздвигнутой князем первой каменной церкви Руси – Десятинной, освященной в честь праздника Успения Божией Матери.

Таким образом не только событийно, **но и церковно-иерархически** Русская Православная Церковь как бы «врастает» в крымскую почву.

Поход в Херсонес имел еще одно важнейшее последствие, которое обычно «ускользает» от исследователей. После возврата Херсонеса Византии Древнерусское государство существенно усиливает свои позиции в восточном Крыму и на Таманском полуострове. На этих землях, т.е. в границах древнего Боспорского царства, окончательно оформляется древнерусское Тмутараканское княжество, которое уже при сыне Владимира – Мстиславе контролирует половину территории Древней Руси.

Государство князя Владимира и его преемников на великокняжеском столе по сути становится **государством имперского типа**, хотя ценностный ряд претерпевает существенные трансформации: **на первый план выходят идеалы соборности, христи-**

анского смирения, жертвенности, прощения, служения своему Отечеству и Православной Церкви.

Не вызывает сомнений, что сама древнерусская народность получает качественно иную духовную основу для своей консолидации. Вследствие принятия христианской доктрины создается поистине великая культура, аналогов которой мы не встретим на средневековом Западе.

Все это дает основания преподобному Нестору характеризовать Владимира как «**нового Константина великого Рима**» [33]. И в этой знаковой формуле, по сути, уже содержится исток будущих воззрений на мессианскую роль Руси как «Третьего Рима», ответственного за сохранение евангельских ценностей на Земле.

«КИЕВСКАЯ РУСЬ» ИЛИ «ДРЕВНЯЯ РУСЬ»?

В заключение коснемся некоторых терминологических аспектов, связанных с осмыслением исторических истоков Русского мира.

В отечественной исторической литературе, рассматривающей проблему формирования, становления и развития Древнерусского государства, в XX веке утвердился термин «Киевская Русь», введенный в научный оборот известным украинским историком, председателем украинской Центральной Рады (март-декабрь 1917 г., январь-апрель 1918 г.) М.С. Грушевским.

Мы полагаем, что этот термин не является ошибочным, однако он не отражает всей полноты и универсальности исторического процесса, а также диалектического своеобразия формирования истоков Русского мира. Приведем ряд аргументов.

Во-первых, обращаясь к истокам древнерусской государственности, уходящим корнями еще в «доваряжский период», необходимо помнить, что Киев был далеко не единственным государствообразующим центром. Таких центров, по данным арабских источников, было несколько. В частности, «Славия» охватывала северные земли (Старая Ладога, Новгород, Белоозеро и др.), «Куявия» – Поднепровье с центром в Киеве, «Арсания» – Северное Причерноморье.

Во-вторых, правящая династия Рюриковичей, с 882 до 1132 года объединявшая восточнославянские земли в едином политическом пространстве, имела не южное или центрально-днепровское, а именно северное происхождение, о чем говорилось выше. При этом, как замечает выдающийся российский историк С.М. Соловьев, на протяжении древнерусской истории север практически неизменно одерживает верх над югом [34]. Князь Олег, в 882 году установивший свою власть в Киеве, пришел из Новгорода. Князь Владимир Святославич, одержавший победу над своим братом – киевским князем Ярополком в 980 году, пришел из Новгорода. Ярослав Мудрый, разгромивший узурпатора великокняжеской власти Святополка Окаянного и его союзников в 1016 и 1019 годах, изначально был князем новгородским и опирался на новгородское ополчение. Князь Андрей Боголюбский, войска которого одержали убедительную победу над Киевом в 1169 году, был князем Владимиро-Суздальским и видел центром Древней Руси Владимирскую землю. Во времена Батыева нашествия (1237-1240 гг.) именно не тронутый монголами север – Новгород и Псков стали тем государственным центром, который даст толчок новому собиранию русских земель и началу династии великих князей московских...

В-третьих, термин «Киевская Русь», по сути, не учитывает своеобразия культурной традиции. Вокруг крупных городов Руси – не только Киева, но и Чернигова, Новгорода, Смоленска, Полоцка, Суздаля, Владимира, Галича и других формируются свои архитектурные, живописные, ювелирные, литературные школы и направления. Это же можно сказать и о религиозной жизни, особенно христианского периода. Князь Ярослав Мудрый возводит великолепный Софийский собор в Киеве, и он же строит не меньший по значению Софийский собор в Новгороде, а князь Всеслав возводит знаменитую Софию в Полоцке. Основатель монашества на Руси – преподобный Антоний создает Киево-Печерский монастырь в Киеве, и он же созидает пещерный Богородицкий монастырь в Чернигове. Выходцы из разных городов и земель канонизируются Русской Православной Церковью, занимая свое почетное место в церковных святцах...

Таким образом, по нашему убеждению, было бы более правомерным обращаться к историческому термину «Древняя Русь» или же к историософскому «Святая Русь», как более полным и универсальным, чем просто «Киевская Русь».

Тем более, что в настоящее время эта дискуссия все более выходит за сугубо научные рамки, становясь предметом политических манипуляций и откровенных спекуляций. В частности, это относится к эволюции украинского и других национализмов [35], пытающихся отрицать историческую общность восточнославянских народов, что влечет разрушительные последствия, в первую очередь, для самих инициаторов этих псевдо-теорий [36].

Не вызывает сомнений, что концепция Русского мира, далеко выходящего за географические рамки собственно Российской Федерации и объективно чуждая проявлениям национализма и ксенофобии, в своих истоках опирающаяся на идеи соборности и созидания, призвана стать той стержневой основой, которая даст новый цивилизационный импульс развитию государств евразийского пространства, вошедших в ее поле.

Источники, литература, примечания:

1. Слово на обновление Десятинной церкви. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php>. Ильмень, бассейны рек Волхов, Ловать, Мста, а также верховья реки Мологи. Главный город – Новгород. Кривичи – восточнославянский племенной союз, ареал которого занимал верховья Западной Двины, Днепра и Волги. Главными городами являлись Смоленск, Полоцк, Изборск.
2. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Сост., авторы примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. – Арзамас, 1993. – С. 47. Чудью летописец именует финские племена, жившие к востоку от Онежского озера, по рекам Онега и Северная Двина. Под словенами подразумеваются ильменские славяне – одно из самых известных и могущественных восточнославянских племенных объединений, территория расселения которых охватывала побережье озера
3. Там же. – С. 47.
4. Там же. – С. 52, 64.
5. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесловие С.Б. Лаврова. – М.: Экспресс, 1992. – С. 51-52.
6. История России. С древнейших времен до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. – М.:

- АСТ: Астрель, 2010. – С. 54.
7. Там же. – С. 48.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://enc-dic.com/fasmer/Varega-2369.html>.
9. К финно-угорской группе относятся собственно финны, эстонцы, вепсы, саамы, ижорцы, ливы, коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, карелы, венгры (мадяры), ханты и манси. Значительная часть финно-угорских народов проживает на территории Российской Федерации и имеет автономные права.
10. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – С. 47.
11. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – С. 85.
12. Тишков В.А. Русский мир: смыслы и стратегии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/va_tishkov3.html.
13. Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // Журнал Министерства Народного Просвещения (далее – ЖМНП). – 1889. – Часть ССLXIII (июнь). – С. 437-439; Ишин А.В. Крещение князя Бравлина. К вопросу об утверждении Христианства на Руси // Крымский Архив. – 1999. – № 5. – С. 24-27.
14. Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // ЖМНП. – 1889. – Часть ССLXIII (май). – С. 101.
15. Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП: новая серия. – 1917. – Часть LXXI (сентябрь). – С. 41-42.
16. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. – М., 1987. – С. 21.
17. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – Репринтное воспроизведение. – М., 1991. – Т. 1. – С. 65.
18. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. – М., 1980. – С. 26, 28.
19. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е., испр. и доп. – М., 1971. – С. 56.
20. Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л.Г.Бескровный. – М., 1975. – С. 145-148.
21. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – С. 51.
22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под редакцией и с предисловием А.Н.Насонова. – М., Л., 1950. – С. 160.
23. Татищев В.Н. История Российская в семи томах. – М., Л., 1962. – Т. 1. – С. 112.
24. Подобное положение было высказывалось в XIX столетии архимандритом Макарием. См. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988. – С. 69.
25. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – С. 72.
26. Там же. – С. 78.
27. Там же. – С. 80. Очевидно, речь идет о неудавшейся миссии епископа Адальберта, прибывшего на Русь в середине X столетия.
28. Там же. – С. 97.
29. Там же. – С. 97.
30. Жития святых таврических (крымских) чудотворцев / составил

- художник Д. Струков. – М., 1878. – С. 44. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.istorya.ru/solov/solv01p7.php>.
31. Белый А.В. Находка стрелы древнерусского типа в Крыму // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – № 6. – С. 72-73.
32. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – С. 101.
33. Там же. – С. 109.
34. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Том. 1. –
35. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН. Политология. – 2014. – №4. – С. 21-36.
36. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – 35 с.